

С. Н. СОМОВ

<«Общий вид, как всегда, решительный»>

Приезд Керенского и в особенности его выступление на митинге послужили толчком к началу развала во флоте. После его отъезда дисциплина быстро начала падать. Матросы начали появляться на улицах неопрятно одетыми и в пьяном виде.

На бульваре и на улицах они начали затрагивать дам и бесцеремонно расталкивать встречную публику, требуя себе дорогу.

Одновременно участили свои наезды делегации Балтийского флота, состоявшие, как я уже писал выше, из агитаторов. Делегации эти упорно призывали к истреблению офицеров и к окончанию войны. Темные силы настойчиво работали над созданием ненависти к офицерам и над разложением армии. Шестого июня из Балтики приехала особенно большая делегация.

В цирке собрался митинг, на который на этот раз совершенно открыто явились и делегаты Балтики. На митинге решались не вопросы охраны чести России, а обсуждались планы расправы с офицерством. Бурлили страсти, раздавались кровавые призывы, и маленькой группе порядка стоило большого труда сдержать разбуженные низменные инстинкты.

Здесь в цирке собрались матросы и солдаты, превратившиеся в чернь, готовую по первому знаку громить и резать. Всего три месяца понадобилось на то, чтобы чудное наследие прошлого — «доблестную русскую армию» — превратить в банду хулиганов.

Среди этой банды было рискованно сидеть, но удерживало желание лично видеть происходившее.

Вопреки убеждениям маленькой группы горячих патриотов, митинг, отвергнув кровавые предложения, вынес унизительное постановление о разоружении офицеров и адмирала Колчака.

После этого постановления я покинул цирк и отправился в штаб флота.

Почти вслед за мной на «Георгий Победоносец» прибыла из цирка делегация, выбранная участниками митинга для приведения в исполнение его постановления.

Командующий флотом, узнав о прибытии делегации, приказал выстроить на палубе всю команду корабля, а на правом фланге ее построиться всем офицерам без оружия.

Приказание было немедленно исполнено. Впереди фронта стояла прибывшая делегация.

«Смирно, господа офицеры!» — разнеслась по кораблю команда. Велико было мое удивление, когда она была немедленно исполнена. Фронт замер. Точно перед грозой наступила мертвая тишина. Несколько сот пар матросских глаз напряженно внимательным взглядом уставились в люк, ведущий в палубу.

Офицеры были взволнованы. Никто из них не верил, чтобы адмирал Колчак отдал оружие, но тогда... чем все это кончится? Душа кипела от этого нового оскорбления! Стоя в строю, я старался проникнуть в душу стоявших против меня трех матросов делегации. Мне хотелось прочесть их мысли и понять, какая сила привела их сюда, а также что переживают они сейчас, за несколько минут до встречи со своим популярным адмиралом.

На их лицах играли едва уловимые улыбки. «Вот-де мы какие», — точно говорили они. Выражение их лиц было тупое, упрямое. Общий облик малоразвитых людей. Только такие и могли согласиться на выполнение чудовищной миссии.

Появился адмирал Колчак в фуражке и белом кителе. Он был без оружия. За ним шел флаг-офицер с портфелем.

Быстро пройдя мимо офицеров, Колчак подошел к фронту матросов. Лицо его было бледно. Углы рта подергивал еле заметный тик. Выражение лица — сосредоточенное и угрюмое, не предвещавшее ничего доброго. Общий вид, как всегда, решительный. Подойдя к фронту, он на секунду задумался. Наступила решительная минута. Волнение отразилось и на лицах матросов.

«Собравшийся в цирке митинг матросов, — начал он говорить, — вынес постановление об отобрании у меня оружия. Даже враги-японцы, к которым я попал в плен в Порт-Артуре, вернули мне кортик. Матросы же командуемого мною флота оказались хуже врагов. Забыв о долге, они нанесли мне тяжкое оскорбление. Негодяи, забывшие честь, долг перед Родиной и присягу, осмелившиеся явиться сюда за моим оружием», — продолжал он все повышающимся резким голосом.

Лица делегатов побелели, и они боязливо оглянулись вокруг.

«Вы его не получите! Флаг-офицер, дайте мое оружие».

Флаг-офицер вынул из портфеля и подал адмиралу кортик с золотой рукояткой и георгиевским темляком.

Взяв его, адмирал Колчак резким движением швырнул кортик в море. На душе стало тревожно, но радостно. Новое оскорбление было избегнуто благодаря найденному почетному выходу¹.

«Ваше превосходительство, черноморцы не виноваты. Это проклятые балтийцы все мутят. Мы не осмелились бы», — раздались восклицания из фронта.

Колчак не слушал их. Обратившись к делегатам, он приказал им немедленно убраться с «Георгия Победоносца».

Те кубарем скатились по трапу в катер, опасаясь, очевидно, быть сброшенными в море. Торжествующие улыбки сошли с их лиц, и на них был написан животный страх.

Адмирал Колчак спустился вниз. Взволнованные и смущенные, матросы разошлись по палубе, сетуя на балтийцев, приезжавших сеять раздор и смуту.

В тот же день вечером адмирал Колчак и капитан 1 ранга Смирнов съехали с корабля в гостиницу «Кист», сообщив о происшествии в Ставку. На другой день по телеграмме Керенского они выехали оба в Петроград.

Смутьяны пустили слух: кортик был из чистого золота, а потому адмирал и бросил его в море, чтобы он не достался матросам.

Нашлись любители-водолазы, в поисках за «золотым» кортиком спускавшиеся на морское дно. Однако все их розыски были бесплодны. Кортик был найден впоследствии совершенно случайно.

